

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ

РЕАЛИЗМ, КОНСТРУКТИВИЗМ И ДВУХУРОВНЕВЫЕ ИГРЫ

ДМИТРИЙ СТРЕЛЬЦОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

АРТЁМ ЛУКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Резюме

Статья посвящена осмыслению движущих сил эволюции политических отношений России и Японии в середине 2010-х годов. Взаимодействие в рамках этой диады представляет собой сложный и многомерный феномен, в котором переплетены вопросы геополитики, исторической памяти, взаимного восприятия, внутривнутриполитических процессов и личностных факторов. В этой связи его анализ не может быть полным и адекватным, если строить его только на основе какого-то одного теоретического подхода. Для понимания современных российско-японских отношений целесообразно обращение к положениям неоклассического реализма и конструктивизма, а также использование теории двухуровневых игр Роберта Патнэма.

Авторы приходят к выводу, что с точки зрения неоклассического реализма для отношений России и Японии наступил благоприятный момент. Изменение соотношения сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выражающееся в относительном ослаблении позиций США при заметном усилении Китая, делает для Токио одновременно и возможным и необходимым улучшение отношений с Москвой. Добрососедские отношения с ней позволят Японии чувствовать себя увереннее во всё более неопределённой геополитической среде. Конструктивистский анализ рисует гораздо менее оптимистичную картину. За более чем двухсотлетнюю историю межгосударственного взаимодействия между Россией и Японией накопилось слишком много негативного. Для того чтобы преодолеть барьеры взаимного недоверия и враждебности, одних геополитических стимулов недостаточно. Необходимы волевые шаги навстречу друг другу, причём не только символические, но и субстантивные, прежде всего значительное повышение уровня экономических и социально-гуманитарных контактов. Модель двухуровневых игр применительно к переговорам по территориальной проблеме показывает, что Россия и Япония находятся примерно в равном положении, так как руководители обеих стран – сильные и популярные лидеры, способные обеспечить прохождение внутри своих стран соглашения, которое потребовало бы существенных уступок. В целом перспективы российско-японских отношений можно оценить с осторожным оптимизмом. Для них сейчас приоткрылось окно возможностей.

Ключевые слова:

Россия; Япония; Китай; США; Азиатско-Тихоокеанский регион; неоклассический реализм; конструктивизм; двухуровневые игры.

Как и большинство других случаев межгосударственного взаимодействия, отношения России и Японии представляют собой сложное и многомерное явление, в котором переплетены вопросы геополитики, исторической памяти, взаимного восприятия, внутриполитических интересов и личностных симпатий/антипатий. В этой связи международно-политическое исследование наблюдаемого с 2016 г. российско-японского сближения¹ не может быть сколько-нибудь полным и адекватным, если строить его только на основе одного теоретического подхода. Авторам настоящей статьи близка позиция Питера Каценштайна и Рудры Сила, которые ратуют за аналитический эклектицизм в изучении международных отношений. Они определяют его как подход, стремящийся интегрировать предметный фокус, терминологию и интерпретации, принадлежащие к различным научным парадигмам [Sil, Katzenstein 2010: 10].

Для углубления понимания российско-японских отношений особенно плодотворным может быть сочетание неоклассического реализма и конструктивизма. Опора на положение «больших» парадигм может также дополняться анализом с использованием теорий среднего уровня². В этой связи применительно к проблематике российско-японского взаимодействия представляется продуктивным обращение к теории двухуровневых игр Роберта Патнэма.

1

Неоклассический реализм представляет собой ревизионистское ответвление ре-

листской традиции. Признавая важность баланса сил в международной системе, его представители уделяют не меньшее внимание тому влиянию, которое оказывают на внешнюю политику государств внутриполитические переменные (межпартийные противоречия, деятельность лоббистских группировок, общественное мнение, личностные качества политических лидеров) [Lobell, Ripsman, Taliaferro 2016]. Неоклассические реалисты стремятся сочетать строгое теоретизирование в стиле Кеннета Уолтца с богатой дискурсивной текстурой классиков реализма, таких как Ганс Моргентау [Schweller 2014: 6]. В результате неоклассический реализм, номинально принадлежа реалистской парадигме, представляет собой довольно эклектическое образование.

Гидеон Роуз сформулировал суть воззрений сторонников неоклассического реализма следующим образом: «...масштаб и амбиции внешней политики государства определяются в первую очередь его местом в международной системе и конкретно — его материальной мощью в сравнении с другими субъектами. Поэтому они реалисты. Но они при этом утверждают, что воздействие такой мощи на внешнюю политику осуществляется непрямой и сложным образом, поскольку давление внешних факторов международной системы транслируется и преобразуется через внутренние переменные на уровне отдельных государств. Вот почему они зовутся неоклассическими» [Rose 1998: 146].

Насколько неоклассический реализм адекватен для объяснения современных

¹ Отсчет нынешней фазы активизации российско-японских политических отношений можно вести с мая 2016 года, когда премьер-министр Синдзо Абэ встретился с Владимиром Путиным в Сочи и инициировал план из восьми пунктов по расширению сотрудничества между Японией и Россией. Затем состоялась череда российско-японских саммитов в двусторонних и многосторонних форматах, в том числе визиты Абэ во Владивосток на Восточный экономический форум в сентябре 2016 и 2017 году (также планируется его поездка на ВЭФ-2018), визит Путина в Нагато (родина Абэ) и Токио в декабре 2016 г., поездка Абэ на Петербургский международный экономический форум и в Москву в мае 2018 г. В центре внимания этих саммитов и других встреч на более низком уровне находились проблемы заключения мирного договора и разрешения спора о Южных Курилах/«Северных территориях», а также углубления экономического и гуманитарного взаимодействия между двумя странами.

² Теории среднего уровня, по определению Роберта Мертона, не претендуют на создание всеобщих и универсальных моделей, пригодных для объяснения широкого круга феноменов, а предназначены для исследования гораздо более ограниченных и конкретных явлений и процессов.

российско-японских отношений? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует определить, в какой мере Москва и Токио исходят из реалистских установок в своей внешней политике. Относительно России мало у кого возникают сомнения, что в своей нынешней ипостаси она — классическая великая держава, действующая преимущественно в духе *Realpolitik*. Внешнюю политику Москвы небезосновательно сравнивают с поведением европейских держав XIX века³.

В отношении Японии ясности гораздо меньше. Отчасти сложности с определением характера её внешнеполитического мышления объясняются альянсом с США, в котором Токио, как младший партнёр, связан ограничениями на самостоятельное формулирование внешней политики. Наблюдателей зачастую сбивает с толку и риторика японского руководства о приверженности ценностно-ориентированной дипломатии, которая зиждется на «универсальных ценностях демократии, свободы и прав человека» [Chang 2013]. Наконец, в качестве официальной внешнеполитической идеологии Токио провозглашается пацифизм, который закреплён в конституции страны⁴.

Основой внешней политики Японии с начала 1950-х годов и во многом до сих пор остаются «доктрина Ёсиды», названная по имени первого послевоенного премьер-министра страны. Её суть заключается в том, что Япония должна с максимальной выгодой использовать для решения задач экономического развития те внешнеполитические условия, в которых она оказалась после подписания Договора безопасности с Соединёнными Штатами. Доктрина, не имеющая формального воплощения в виде какого-либо официального документа, основывается на двух основополагающих принципах: приоритетном развитии нацио-

нальной экономики и сознательном отказе от активного оборонного строительства. В условиях военно-политического союза с США, который давал Японии гарантии от внешнего нападения, она могла высвободить и пустить на решение задач мирного развития существенные ресурсы, которые в противном случае ей пришлось бы направить на нужды национальной обороны. Такая политика подразумевает фактический отказ от собственной линии в международных делах — по большинству принципиальных вопросов Токио должен следовать в фарватере Вашингтона.

Доктрина Ёсиды пережила даже такое системное потрясение, как распад Советского Союза. Некоторые аналитики в начале 1990-х годов прогнозировали, что Япония, которая в тот период находилась на пике экономического могущества, довольно быстро станет великой державой и возглавит восточноазиатский блок [Waltz 2008]. Тем не менее страна не стала претендовать на статус политического полюса в глобальной системе. Напротив, она ещё теснее примкнула к Соединённым Штатам. В 1997 г. были обновлены принципы оборонного сотрудничества между Японией и США, усилившие военно-политическое взаимодействие двух стран в рамках альянса. В 1999 г. Токио согласился на совместную с Вашингтоном разработку и создание системы противоракетной обороны. Эти и другие шаги в первую очередь отражали растущие опасения в связи с быстрым подъёмом Китая, который со второй половины 1990-х годов всё больше воспринимался Токио в качестве главной потенциальной угрозы. Дополнительным фактором сближения стала ракетно-ядерная программа Северной Кореи⁵.

Восприятие китайской угрозы продолжало нарастать в 2000-х годах. В Токио с тревогой следили за подъёмом китайско-

³ См., например: *Dan Phillips*. Trump and Putin's Nineteenth Century Foreign Policy. LewRockwell.com, January 28, 2017. URL: <https://www.lewrockwell.com/2017/01/dan-phillips/trump-putins-19th-century-foreign-policy/>

⁴ Конституция Японии (вступила в силу 3 мая 1947 г.). URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=37>

⁵ См., например: *John Allen and Benjamin Sugg*. The U.S.-Japan Alliance. Brookings Institution, July 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Paper-2v2.pdf>

го национализма, который всё чаще принимал антияпонскую направленность. В Японии начал складываться консенсус, что Китай, наращивающий своё военнополитическое и геоэкономическое могущество и демонстрирующий гегемонистские амбиции в Восточной Азии, представляет экзистенциальную угрозу.

При этом японских стратегов всё чаще стали посещать сомнения в том, что альянс с США сможет и дальше надёжно защищать страну от внешних угроз. Их тревоги заметно усилились в конце 2000-х – начале 2010-х годов, когда стало ясно, что не только экономический, но и военный баланс в Восточной Азии и прилегающих морях неумолимо сдвигается в пользу Китая⁶. В Токио всё чаще стали задаваться вопросом о том, придут ли американцы на помощь союзнику в случае конфликта, если подобная поддержка будет означать для Вашингтона войну с Пекином? Захотят ли США идти ради Японии на риск конфронтации с великой державой, которая обладает системами вооружений, способными не только поражать американские авианосцы, но и испепелить крупнейшие американские мегаполисы?

Победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. не добавила Токио веры в альянс с Вашингтоном. Несмотря на заверения нового президента в нерушимости союзнических обязательств перед восточноазиатским союзником⁷, неоизоляционистские тенденции американского электората стали слишком очевидны, чтобы их игнорировать. Трамп, согласно распростра-

нённого в Японии мнению, вполне способен пойти на сделку с Китаем, «поделив» с ним мир без учёта мнения других стран. В этой связи некоторые заговорили о реальной возможности «шока Трампа» по аналогии с «шоком Никсона» (в 1972 г. американский лидер поехал в Пекин, не поставив в известность союзников в Токио)⁸.

Усиление Китая и связанное с этим сравнительное ослабление позиций США в Восточной Азии, рост американского неоиолизационизма, северокорейская ракетно-ядерная угроза – это главные *внешние* параметры, которые трансформируют международную систему и влияют на выбор Токио международной стратегии. Между тем *внутри* Японии тоже происходят важные сдвиги, которые отчасти стали реакцией на изменения внешней среды, но в значительной степени обусловлены эволюцией общественно-политической системы страны. Речь в первую очередь идёт об усилении на внутривнутриполитической арене политиков правонационалистического толка, выступающих за пересмотр Конституции 1947 г. и особенно ст. 9, провозглашающей запрет на обладание вооружёнными силами и их использование для достижения внешнеполитических целей⁹.

Подъём национализма в японской политике начался с приходом в 2001 г. на пост премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми. Она продолжилась в период правления его преемника Синдзо Абэ (2006–2007, декабрь 2012–), который имеет хорошие шансы сохранить свой пост до 2021 г. Правопопулистские лидеры ратуют за превращение

⁶ Jane Perlez. "Japan and China trade sharp words over islands." The New York Times, 13.07.2013. URL: <http://www.nytimes.com/2013/07/14/world/asia/japan-and-china-trade-sharp-words-over-islands.html?ref=asia>. См. также "White paper stresses China 'brazeness.'" Yomiuri Shimbun, 11.07.2013. URL: <http://the-japan-news.com/news/article/0000370976>

⁷ Trump tells Abe U.S. commitment to Japan security 'ironclad': White House. 01.28 2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-japan-whitehouse-idUSKBN15CONB>

⁸ Так, о возможности секретной стратегической сделки между Пекином и администрацией Трампа заявил бывший министр обороны Японии Сатоси Моримото (Former ADF head says China's military rise in South China Sea is almost complete. 02.02.2017. URL: <http://www.news.com.au/world/asia/former-adf-head-says-chinas-military-rise-in-south-china-sea-is-almost-complete/news-story/59d13eeb7339b9b3988b9f33f210135d>)

⁹ Особо стоит отметить созданную в 1997 г. мощную политическую структуру «Ниппон кайги», в состав которой входят многие деятели правящей Либерально-демократической партии, включая её председателя Синдзо Абэ.

Японии в «нормальную» страну, что подразумевает избавление от комплекса поражения во Второй мировой войне и обретение права на использование военной силы на международной арене¹⁰. Освободившись от послевоенных самоограничений, Япония станет похожей на другие великие державы, разве что без ядерного оружия. Усиление националистов-нормализаторов сопровождается упадком некогда чрезвычайно влиятельного в Японии пацифистского движения, которое по сути прекратило своё существование как организованная политическая сила [Samuels 2007: 117–119].

Немалую роль в политике Абэ могут играть лично-семейные мотивы. Он происходит из известной политической династии, его дед Нобусукэ Киси занимал в конце 1950-х годов пост премьер-министра Японии (а до этого был видным деятелем в имперской Японии и входил в кабинет министров в период войны). Он стремился изменить Конституцию из убеждения, что этот документ, написанный в штабе американских оккупационных сил, был выражением национального позора. Существуют предположения, что Абэ разделяет эти взгляды и пытается довести до конца дело своего деда [Браун 2016].

Стратегия премьер-министра во внешней политике направлена на то, чтобы гарантировать безопасность и национальные интересы Японии в складывающейся расстановке сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Она преследует две ключевые задачи: во-первых, постепенное наращивание военных возможностей страны (то, что на языке реалистов именуется «внутренним балансированием»); во-вторых, укре-

пление (и формирование новых) международных союзов и коалиций («внешнее балансирование»).

Почти сразу после прихода к власти второго правительства Абэ в декабре 2012 г. было объявлено о первом за десять лет повышении военных расходов Японии. Дополнительные ассигнования запрашивались в основном для укрепления обороны юго-западных территорий страны (прежде всего островов Рюкю и Сэнкаку). Они расположены в непосредственной близости от районов растущей китайской военной активности [Кавато 2013]. Другим важным шагом стало реформирование системы управления и укрепление нормативной базы в сфере безопасности (прежде всего, создание Совета национальной безопасности, обнародование первой в истории страны стратегии национальной безопасности, принятие закона об охране государственной тайны)¹¹. Были существенно смягчены ограничения на экспорт вооружений, что должно стимулировать развитие японского военно-промышленного комплекса. Всё активнее обсуждается необходимость создания и принятия на вооружение наступательных видов оружия, таких как крылатые ракеты¹². Символическим, но значимым актом может также стать предложенное Абэ переименование Сил самообороны в Армию национальной обороны¹³.

В сфере внешнего балансирования главным приоритетом Токи остаётся укрепление военно-политического альянса с США. Ради этого кабинет Абэ, невзирая на шумные протесты оппозиции, пошёл на принятие новой трактовки коллективной самообороны. Японские военные приоб-

¹⁰ *Rikki Kersten*. Japan's territorial disputes: will they lead to constitutional change? East Asia Forum, 11.09.2012. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/09/11/japans-territorial-disputes-will-they-lead-to-constitutional-change/>

¹¹ См.: Japan's Security Policy. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html. См. также «Закон об охране государственной тайны вступил в силу в Японии». РИА Новости, 10.12.2014. URL: <https://ria.ru/world/20141210/1037433129.html>

¹² The Trump Administration and Japan: Challenges and Visions for Japan's Foreign and Security Policy in the New Era. Japan-US Alliance Study Group Report. Institute for International Policy Studies. January 2017. URL: <http://www.iips.org/en/research/2017/01/19093412.html>

¹³ *Peter Ford*. Will rising tensions in Asia push Japan toward a full-fledged military? 21.02.2013. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2013/0221/Will-rising-tensions-in-Asia-push-Japan-toward-a-full-fledged-military>

рели право оказывать вооружённую помощь союзникам (то есть Соединённым Штатам), если того требуют интересы безопасности. Кроме того, была принята новая редакция «Руководящих принципов оборонного сотрудничества между Японией и США», предполагающая дальнейшее наращивание координации в рамках альянса¹⁴.

Союз с Вашингтоном официально остаётся краеугольным камнем безопасности для Токио. В то же время националистические группировки японской элиты, к которым принадлежит и Абэ, видят в новой ситуации возможность сделать альянс более равноправным как в том, что касается военной роли Японии, так и в принятии важнейших политических решений. Устранение пацифистских ограничений будет противоречить сохранению союза в его нынешнем виде, при котором Токио выступает в роли младшего партнёра Вашингтона. Не исключено, что националисты-нормализаторы исподволь готовят трансформацию альянса в голлистском духе. Подобно Франции, которая в 1960-х годах освободилась от стратегической опеки США, Япония перестанет быть зависимым игроком и вернёт утраченную после войны политическую самостоятельность. В этом смысле для японских националистов приход к власти в Соединённых Штатах Трампа не бедствие, а подарок судьбы.

Проявит ли Токио в конечном итоге решимость избавиться от положения клиента в отношениях с Вашингтоном или нет — неизвестно. Тем не менее в Японии уже сейчас исходят из того, что нельзя делать ставку только на США; необходимо искать новых союзников и стратегических партнёров. Отличительной чертой политики Абэ стало стремление к формированию коалиций с как можно более широким кругом стран, разделяющих озабоченность Токио

в отношении китайского экспансионизма. Эту политику можно назвать стратегической диверсификацией, или хеджированием, по аналогии с поведением финансовых игроков, которые, стремясь минимизировать рыночные риски, диверсифицируют свои инвестиции [Conybeare 1992].

Едва заступив на пост премьера, Абэ предложил и с тех пор последовательно отстаивает идею «ромба безопасности» — коалиции четырёх морских демократий (Японии, США, Индии и Австралии), которые совместно гарантировали бы свободу мореплавания в Тихом и Индийском океанах. К этому антикитайскому образованию предложено присоединиться Британии и Франции, имеющим интересы и военные активы в АТР¹⁵. Другим важным направлением дипломатии Токио выступает укрепление связей со странами Юго-Восточной Азии (прежде всего с Вьетнамом, Филиппинами и Индонезией), на которых он рассчитывает как на возможных союзников в сдерживании Пекина в Южно-Китайском море [Maxie 2017].

Курс Японии на стратегическую диверсификацию, направленную на антикитайское балансирование, не может не учитывать и Россию — одну из ключевых держав Евразии и АТР. Программа-максимум Токио заключается в том, чтобы привлечь Москву к военно-политическому сдерживанию Пекина. В то же время японские стратеги осознают, что в обозримой перспективе исполнение подобных планов едва ли возможно. В отличие, например, от Индии и Вьетнама, Россия не имеет территориальных споров с Китаем, а современное взаимодействие Москвы и Пекина характеризуется совпадением стратегических интересов. Российские руководители неоднократно давали понять, что улучшение отношений с Японией не меняет статуса Китая как их главного партнёра в Азии¹⁶.

¹⁴ The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. 27.04.2015. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/anpo/shishin_20150427e.html

¹⁵ Shinzo Abe. Asia's Democratic Security Diamond. 27.12.2012. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe>

¹⁶ Лавров: визит Путина в Японию не отражает перемен в отношениях России со странами региона. 25.01.2017. URL: <http://tass.ru/politika/3970642>

Более реалистичная задача японской дипломатии на российском направлении заключается в том, чтобы обеспечить нейтралитет Москвы в нарастающем противостоянии Токио с Пекином. После окончания «холодной войны» угроза с «Севера» (со стороны Советского Союза/России) перестала рассматриваться в качестве актуальной¹⁷. Более того, «после обострения отношений Японии с Китаем Россия в глазах японцев неожиданно стала выглядеть умеренной и разумной силой» [Кавато 2013]. В условиях, когда основные усилия Токио концентрируются на отражении потенциальной угрозы на юго-западе (со стороны Пекина), для него было бы крайне нежелательно отвлекать ресурсы на вызовы, могущие снова возникнуть на северном направлении.

Россия понимает эту заинтересованность Японии и ведёт дипломатическую игру, направленную на то, чтобы максимально выгодно продать свою благосклонность. Одна из тактических линий Москвы состоит в том, чтобы продемонстрировать способность осложнить военно-стратегическую ситуацию для Токио в чувствительных для него районах. Начиная примерно с 2016 г., российское военное ведомство акцентирует беспрецедентные меры по развитию оборонной инфраструктуры на Курилах и Сахалине¹⁸. В том числе рассматриваются планы по созданию военной

базы на северокурильском острове Матуа¹⁹. В непосредственной близости от Японии на южнокурильских островах Кунашир и Итуруп были размещены новейшие противокорабельные ракетные комплексы²⁰. Кроме того, Минобороны планирует дислоцировать на Курильских островах дивизию²¹. Российские стратегические бомбардировщики регулярно напоминают о себе, совершая облёты вокруг Японии²², а новейшие истребители осваивают недавно открытый для использования военными аэродром на Итурупе²³. Несмотря на иногда звучащие в российских СМИ мнения о том, что «японцы готовятся к реваншу» с захватом Курил²⁴, едва ли есть основания полагать, что Москва сегодня сталкивается с серьёзной военной угрозой со стороны Токио. Меры по наращиванию силового потенциала на сопредельных с Японией российских дальневосточных территориях продиктованы во многом дипломатическими, а не только военно-стратегическими соображениями.

Ещё одним сигналом стало появление в июне 2016 г. российских военных кораблей в непосредственной близости от островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море, что вызвало немалый переполох в Токио, особенно с учётом того, что одновременно в районе спорных территорий оказались и китайские ВМС. Подобное совпадение наводило на мысль о скоординированной

¹⁷ В Стратегии национальной обороны Японии Россия не упоминается в качестве угрозы, в отличие от Китая и Северной Кореи (National Defense Program Guidelines. 17.12.2013. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/national.html).

¹⁸ Минобороны принимает "беспрецедентные меры" для усиления военного присутствия на Курилах и Сахалине. 27.05.2017. URL: <http://www.newsru.com/russia/27may2016/minoborony.html> ; Курилы накачивают мышцы. 17.06.2016. URL: <https://www.utro.ru/articles/2016/06/17/1286577.shtml#ad-image-0>

¹⁹ Минобороны займёт Матуа, 30.06.2016. URL: <http://warfiles.ru/show-122091-minoborony-zaymet-matua.html>

²⁰ На Курилах появились ракетные комплексы «Бал» и «Бастион». 22.11.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/22/bal/>

²¹ Минобороны разместит дивизию на Курилах в 2017 году. 22.02.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3226851>

²² Franz Stefan-Gady. Japan Scrambles Fighter Jets to Intercept 3 Russian Strategic Bombers. 26.01.2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/japan-scrambles-fighter-jets-to-intercept-3-russian-strategic-bombers/>

²³ Россия перебросила «сушки» на Курилы. 26.03.2018, URL: <https://utro.ru/army/2018/03/26/1355104.shtml>

²⁴ Анатолий Иванов. Курильские балы. 21.12.2016. URL: <http://vpk-news.ru/articles/34365>

акции²⁵. В ноябре того же года вблизи Сэнкаку впервые был замечен российский военный вертолёт²⁶. Кроме того, в Восточной Азии ежегодно проходят российско-китайские военно-морские маневры (в сентябре 2016 г. местом их проведения было впервые избрано Южно-Китайское море). В этом же смысловом ряду – заявление Путина на саммите «группы двадцати» в Ханьчжоу в сентябре 2016 года, в котором он солидаризировался с позицией Китая о непризнании правомочности решения Гаагского трибунала по спорам о суверенитете в Южно-Китайском море. Демонстрация крепнущей военной и политической смычки России и Китая в Восточной Азии – сигнал не только Вашингтону, но и Токио.

Что добивается Москва путём силовых и дипломатических демонстраций? Эту тактику можно назвать «принуждением к добрососедству». Кремль даёт понять, что, пока Токио не проявит готовности к нормализации двусторонних отношений, военный потенциал России в Тихом океане будет держать Японию на прицеле, а стратегическое партнёрство Москвы с Пекином по наиболее чувствительным для Токио проблемам, прежде всего спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, продолжит укрепляться. Ещё одна цель – убедить японское руководство трижды подумать, прежде чем предпринимать шаги в рамках американо-японского альянса, которые могут отрицательно повлиять на национальную безопасность России. Речь здесь, прежде всего, идёт об участии Токио в системах противоракетной обороны (ПРО) Вашингтона и планируемом размещении ПРО американского производства на территории Японии. Как заявляют российские официальные лица, появление

у восточных рубежей России комплексов ПРО идёт вразрез с Договором о РСМД 1987 г. и создаёт для Москвы «новую ситуацию», которая «не может не учитываться в военном планировании»²⁷.

Военно-политическое давление в качестве рычага России в отношениях с Японией принципиально мало чем отличается от склонности последней использовать торговлю и инвестиции, чтобы заставить Москву идти на уступки в территориальном вопросе. Оно вполне укладывается в логику реалистской традиции, которая исходит из того, что во внешней политике государства полагаются прежде всего на те аспекты национальной мощи, в которых они располагают преимуществом. Для России – это военно-политический потенциал, для современной Японии – экономика.

Москва, хотя и в меньшей степени, чем Токио, тоже заинтересована в стратегическом хеджировании. Она преследует цель минимизировать неуклонно растущую зависимость от Китая. Тем более что у России появились признаки некоторого разочарования в Пекине, который безоговорочно не поддержал её по украинскому вопросу и не признал Крым российской территорией. К тому же КНР попыталась воспользоваться экономическими трудностями Москвы для получения односторонних выгод.

Шаги Москвы по активизации диалога с Токио – часть её политики по выстраиванию более сбалансированной дипломатической линии в Азии. Отношения с Японией заиграли в глазах Москвы новыми красками с учётом того, что Китай стал единственным крупным выгодоприобретателем от нового витка напряжённости в её взаимодействии с Западом и существенно усилил свои переговорные позиции в диа-

²⁵ Япония озадачена появлением кораблей КНР и РФ у спорных островов Сэнкаку. 09.06.2017. URL: <https://ria.ru/world/20160609/1444812469.html>

²⁶ Russian patrol helicopter spotted near Senkakus. 23.11.2016. URL: http://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/20161123_05/?utm_content=buffer21b2f&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer

²⁷ Комментарий заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова в связи с развёртыванием в Японии системы ПРО. Официальный сайт МИД РФ, 30.12.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/03publbaOCjv/content/id/3013131

логе с российским руководством. В России стали полагать, что ей не помешает иметь хорошие отношения с Японией, которые дадут ей дополнительные дипломатические козыри в диалоге как с Китаем, так и с другими игроками.

2

Конструктивизм объединяет теории, подчёркивающие значимость нематериальных компонентов международной политики. Представители конструктивистского направления считают, что идентичности и базирующиеся на них интересы субъектов не являются застывшими. Они постоянно переформулируются, в том числе под влиянием взаимодействий с внешней средой, то есть с другими игроками [Reus-Smith 2005].

Одна из наиболее авторитетных версий конструктивизма была предложена американским исследователем Александром Вендтом. Он заимствовал методологию социальной психологии, проводя аналогии между взаимодействиями государств и межличностными отношениями индивидов. В рамках такого подхода участники международной политики предстают антропоморфными субъектами. Отношения между государствами, воспринимаемыми друг друга в качестве дружественных, в корне отличаются от взаимодействия государств с иными типами ожиданий относительно противоположной стороны. В первом случае возникает коллективная идентичность, характеризующаяся альтруизмом, осознанием неразрывной общности взаимных интересов и безопасности. Во втором — в отношениях преобладает настороженность, подозрительность или даже прямая враждебность. При этом и дружественные, и недружественные отношения не являются изначально заданными. Они формируются в процессе взаимодействия социальных субъектов.

В своей программной статье А. Вендт задаётся вопросом: как будут складываться отношения двух субъектов, которые впервые вступают в контакт [Wendt 1992]? У них отсутствует история предыдущих взаимо-

действий, то есть они ещё ничего не знают друг о друге и намерениях противоположной стороны. В этих условиях огромное значение будет иметь первый жест, который сделает субъект А в отношении субъекта Б, а также то, как Б его истолкует.

Допустим, рассуждает А. Вендт, с нами хотя бы вступить в контакт инопланетяне. Как мы будем реагировать? Если над Землёй появится целая эскадра боевых кораблей пришельцев и уничтожит Нью-Йорк, земляне наверняка сочтут это угрозой и примут ответные меры. Если же, напротив, мы увидим одну летающую тарелку, экипаж которой даст понять, что он пришёл с миром, то и наша реакция, скорее всего, будет дружелюбной. «Самый первый социальный акт, — подчёркивает А. Вендт, — создаёт ожидания у обеих сторон о будущем поведении друг друга... В течение длительного времени повторение взаимных типичных жестов создаёт сравнительно прочные представления друг о друге» [Wendt 1992: 404–405].

Описанная исследователем модель социального взаимодействия и формирования взаимных образов выглядит умозрительной, в том числе и потому, что в реальности далеко не всегда получается зафиксировать первый значимый контакт в отношениях между государствами, особенно если они уходят своими корнями в глубокую историю. Тем не менее в случае России и Японии этот момент выявить возможно — первые межгосударственные взаимодействия между странами имели место на рубеже XVIII–XIX веков.

В 1792–1793 гг. состоялась посольская экспедиция на остров Матмай (нынешний Хоккайдо) под руководством Адама Лаксмана, которая вернула на родину потерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки японцев. Японские власти не допустили российских представителей в столицу, но благосклонно приняли их в г. Хакодате и выдали письменное разрешение прибыть в Нагасаки для официальных переговоров [Внешняя политика Японии 2008: 17]. Петербург воспользовался этим правом только десять лет спустя.

Более того, второе посольство (1804–1805), которое возглавил Николай Резанов, завершилось неудачей, а последовавшие за ним события повлекли долговременные последствия для двусторонних отношений. Российский представитель, крайне раздражённый отказом японского правительства установить дипломатические и торговые отношения между странами, решил устроить акцию наказания и устрашения противоположной стороны [Совастеев 2009: 28–29].

С октября 1806 по июнь 1807 г. российские бриг «Юнона» и тендер «Авось» под командованием лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова совершили ряд разбойничьих нападений на японские поселения, фактории и посты на Сахалине, Итурупе и острове Рисири у северо-западной оконечности Хоккайдо. Были разорены и сожжены жилые и хозяйственные постройки и храмы, разграблено складированное продовольствие. Кроме того, были взяты в плен несколько японцев, которых позднее отправили на родину с письменным и устным ультимативным посланием об открытии торговли с Россией [Зайцев 2005]. Голландцы, переводившие российские требования на японский язык, намеренно искажали ряд фраз, сделав их еще более угрожающими [Зайцев 2005: 44].

В ответ японцы значительно укрепили военное присутствие на Хоккайдо, Итурупе и Кунашире. В 1811 г. гарнизоном Кунашира были захвачены капитан шлюпа «Диана» Василий Головнин и несколько членов его экипажа, которые провели в японском плену больше двух лет.

Российское правительство поспешило открититься от разбойничьей акции своих

представителей (её участники были арестованы за самоуправство)²⁸. Однако непоправимый ущерб двусторонним отношениям уже был нанесён: она (акция) в немалой степени способствовала формированию в Японии стойких представлений об «угрозе с Севера». Спустя столетие видный русский японовед Дмитрий Позднеев писал: «Самым важным по своим последствиям фактом в истории первых сношений России с Японией необходимо считать, конечно, экспедиции лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова против северных японских островов. Память о них, изгладившаяся в России, живо сохраняется до сего времени в Японии, факт, с которым нам необходимо самым тщательным образом считаться, когда мы рассуждаем о психологии отношений японцев к русским...»²⁹.

По мнению российского историка Виталия Совастеева, последствия рейда 1806–1807 гг. были самыми негативными для российско-японских отношений. Они по существу были заморожены вплоть до середины 1850-х [Совастеев 2009: 28–29]. Еще более жёсткие оценки дают японские специалисты. В частности, Хасэгава Цуёси пишет, что нападения Хвостова и Давыдова стали для многих поколений историков этой страны классическим выражением природы русского экспансионизма³⁰.

Было бы некорректным выводить всю последующую историю отношений России и Японии исключительно из разбойничьего рейда «Юноны» и «Авось». Тем не менее это событие знаковым образом повлияло на их дальнейшую траекторию. Повторявшиеся затем в течение двух веков многочисленные враждебные действия, теперь уже с обеих сторон, сформировали взаим-

²⁸ Инцидент Хвостова–Давыдова, помимо прочего, представляет собой пример рисков, связанных с агентами, которые представляют государство, но фактически не контролируются им. Интересно, что в 1931 г. схожий сценарий, хотя и в несопоставимых масштабах, повторился в отношениях Японии и Китая, когда Квантунская армия начала военные действия в Маньчжурии без предварительной санкции правительства в Токио [Системная история международных отношений 2000: 249]. Один из обсуждаемых сегодня вариантов эскалации конфликта между Китаем и Японией в Восточно-Китайском море заключается в возможности несанкционированных акций со стороны националистически настроенных китайских или японских военных командиров, действующих в условиях высокой неопределенности.

²⁹ Цит. по [Зайцев 2005: 40].

³⁰ Цит. по [Зайцев 2005: 46].

ное недоверие и отчуждённость между ними. Проявлениями недружественной политики стали и соперничество за доминирование в Корее и Маньчжурии, приведшее к русско-японской войне 1904–1905 годов, и японская интервенция на русском Дальнем Востоке (1918–1922), и противостояние на грани большой войны в конце 1930-х годов с кровавыми столкновениями на Хасане и Халхин-Голе, и вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 года, и судьба более 600 тыс. японских военнопленных Квантунской армии, из которых домой не вернулся каждый десятый [Чугров 2016: 24]. В послевоенную эпоху отношения омрачались участием Токио в «холодной войне» против Советского Союза на стороне США и проблемой Южных Курил (обозначаемых в Японии в качестве Северных территорий). Новейший период двусторонних отношений осложняется участием Токио с 2014 г. в режиме западных антироссийских санкций.

Как отмечает А. Вендт, «системы международных отношений, где господствует атмосфера подозрительности и недоверия, образуются из циклов взаимодействий, в которых каждая сторона совершает действия, которые другая сторона рассматривает как угрожающие, порождая ожидания, что другому нельзя доверять» [Wendt 1992: 406]. Это довольно точное описание того состояния российско-японских отношений, к которому они пришли за более чем двести лет межгосударственных контактов.

Можно ли вырваться из порочного цикла? А. Вендт полагает, что трансформировать отношения может опыт интенсивного сотрудничества, постепенно приводящий к вытеснению эгоистических индивидуальных идентичностей коллективными представлениями о взаимной сопричастности, а также соответствующему переформулированию интересов в сфере внешней политики и безопасности. В качестве подтверждения возможностей такого пересмотра логики взаимодействия он ссылается на опыт западноевропейской интеграции. Однако сотрудничество всегда создаёт ситуацию уязвимости в случае недобросовестного по-

ведения другой стороны. Кроме того, возникает описанная структурным реализмом дилемма относительных выгод, когда одно государство опасается, что может получить от сотрудничества меньше преимуществ, чем его контрагент. В этой связи, для того чтобы начать сотрудничество, субъекты должны преодолеть негативную идентификацию, то есть перестать рассматривать друг друга в качестве соперников и потенциальных противников. Полноценное сотрудничество возможно только при наличии доверия [Wendt 1992: 417–422].

Таким образом, мы вновь оказываемся в замкнутом круге: чтобы трансформировать отношения, необходима кооперация, но для её запуска нужно избавиться от негативной идентификации во взаимном восприятии. Подобная дилемма весьма точно характеризует нынешнее состояние российско-японских отношений: обе стороны пришли к пониманию, что достигнуть доверия можно лишь через взаимодействие, но повышения качества сотрудничества трудно добиться в условиях изначального дефицита уверенности в готовности контрагента исполнять принимаемые на себя обязательства.

Тем не менее конструктивизм утверждает, что мы можем разорвать порочный круг «недоверие – отсутствие сотрудничества». Хотя роли и идентичности в значительной степени оказываются структурно определёнными, у субъектов даже в самых стеснённых ситуациях есть возможность выбора как проявления экзистенциальной свободы. Социальный субъект способен принять решение о выходе за рамки своей привычной роли [Wendt 1992: 418–419] и попытаться изменить укоренившуюся негативную практику взаимодействия с другой стороной. Если А начнёт делать в адрес Б значимые жесты и шаги, демонстрирующие добрую волю, есть вероятность, что Б ответит тем же самым. При условии неоднократного повторения таких взаимных сигналов доверия и дружелюбия прежний порочный цикл негативной идентификации может быть преодолен и в отношениях будет институционализована положитель-

ная идентификация взаимных интересов и общей безопасности.

Если применять конструктивистскую методологию к российско-японским отношениям, то первым шагом должен стать сознательный политический выбор лидеров стран о необходимости перехода к кооперативному взаимодействию. В идеале это должно быть одновременное решение Москвы и Токио. На практике такая синхронность вряд ли возможна. Требуется первый жест (или серия жестов) одной из сторон в расчёте на то, что контрагент ответит взаимностью.

Во второй половине 2010-х годов Япония в лице Синдзо Абэ попыталась сделать шаги в сторону России. Их проявлением стала беспрецедентная в двухвековой истории российско-японских связей настойчивость лидера одной страны в установлении личных контактов с руководителем другой, что, прежде всего, заметно в стремлении Абэ использовать любую возможность для общения с Путиным, а также объявленная Токио в 2016 г. инициатива «плана из восьми пунктов» по развитию экономического сотрудничества с Москвой³¹. Кроме того, значимыми жестами стали не имеющее аналогов для Японии создание министерской должности, которая содержит название другой страны (учреждённый в сентябре 2016 г. пост министра по делам экономического сотрудничества с Россией), и инициирование в 2013 г. встречи министров обороны и иностранных дел в формате «два плюс два» (формат, который до этого был зарезервирован только для ближайших союзников Японии).

Почему именно японская сторона проявила инициативу, выдвинув новый подход в отношении с Россией? С точки зрения конструктивизма А. Вендта для трансформации внешней политики требуются две предпосылки. *Во-первых*, должны возник-

нуть новые социальные ситуации, которые побуждают субъекта изменить свою идентичность, а значит, и внешнеполитические установки. *Во-вторых*, ожидаемые издержки от сознательной смены роли не должны превышать выигрыша от неё [Wendt 1992: 419]. Как уже отмечалось выше, Япония оказалась в новой геополитической (усиление Китая) и внутривнутриполитической (рост национализма) реальности, в которой Токио должен будет постепенно снижать зависимость от США и действовать более самостоятельно. Одновременно Абэ рассчитывает, что выигрыши от более комфортного соотношения сил в регионе и возможного решения территориальной проблемы в результате сближения с Москвой будут выше, чем возможные издержки. К последним в первую очередь относятся риски охлаждения отношений с другими участниками «группы семи», настаивающими на жёсткой антироссийской линии.

Предпринятые Абэ инициативные жесты в отношении России носят преимущественно символический характер. Возможно, в представлении Токио они и отражают принципиально новый подход, но с точки зрения Москвы эти меры не идут достаточно далеко. Россия ждёт от Японии не туманных обещаний помощи в технологической модернизации российской промышленности и развитии Дальнего Востока³², а масштабных инвестиционных и торговых контрактов. В этом смысле результаты дипломатического наступления Абэ пока весьма ограничены.

Москва особенно недовольна отсутствием сверхкрупных проектов, которые могли бы свидетельствовать о том, что взаимодействие двух стран действительно вышло на новый уровень сотрудничества. Токио проигнорировал настойчивые пожелания российского руководства, минимизировав перечень и объём деловых проектов³³.

³¹ «План сотрудничества из 8 пунктов». Официальный сайт посольства Японии в России. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html>

³² Выступление премьер-министра Японии Абэ Синдзо на Восточном экономическом форуме 2016. 03.09.2017. URL: <http://www.nippon.com/ru/features/c00725/>

³³ Михаил Коростиков. Япония подводит территориальные итоги. 19.12.2016. URL: http://www.kommersant.ru/doc/3175044?utm_source=kommersant&utm_medium=mir&utm_campaign=four

По состоянию на декабрь 2016 г. обещанные Токио инвестиции составляли всего 2,5 млрд долл., а также до 1 млрд долл. в рамках российско-японского инвестиционного фонда, который ещё только предстоит создать, и с тех пор ситуация практически не изменилась. Для сравнения: по итогам обмена визитами между президентом Филиппин Родриго Дутерте и Абэ в октябре 2016 г. и январе 2017 г. филиппинская экономика должна была получить почти 10 млрд долл. японских инвестиций³⁴.

Кроме того, Москва разочарована тем, что Токио продолжает официально участвовать в режиме антироссийских санкций³⁵. Военно-политический союз с Вашингтоном остаётся для Японии более важным приоритетом, чем перспектива улучшения отношений с Россией и решение территориального спора. Российская сторона обозначила своё разочарование вполне в конструктивистском духе семантики жестов: опозданием президента страны на три часа на переговоры в Нагато (именно там должен был обсуждаться территориальный вопрос), отклонением подарка в виде ещё одной собаки породы акита и вежливым отказом В.В. Путина искупаться вместе с Абэ в горячем источнике³⁶. Подчёркнутая сдержанность российского лидера на фоне горячего энтузиазма руководителя Японии призвана послать сиг-

нал: Москва ждёт более существенных экономических и политических шагов со стороны Токио, которые бы на деле подтверждали его желание нормализовать отношения.

При этом В.В. Путин воздерживается от личных жестов, которые могли бы оскорбить японскую сторону и осложнить переговорный процесс. Примечательно в этом отношении, что российский руководитель ни разу не посещал спорные территории Южных Курил³⁷. Важно и то, что декабрьский саммит в Японии не стал чистой дипломатической победой Москвы и поражением С. Абэ, как поспешили интерпретировать его результаты многие в Японии³⁸. При более внимательном анализе оказывается, что говорить об односторонних уступках Токио Москве было бы неверно — существенный выигрыш от результатов встречи получили обе стороны.

Позитивным жестом Москвы стало подтверждение Путиным решимости заключить мирный договор с Японией, отсутствие которого он назвал в интервью местной газете «анахронизмом»³⁹. Упоминание этого документа представляет собой эвфемизм для обозначения территориальной проблемы, поскольку иных нерешённых вопросов, кроме пограничного размежевания, у Москвы по итогам Второй мировой войны с Токио нет. Несмотря на то что

³⁴ Japan pledges aid, investment for Philippine infrastructure. 12.01.2017. URL: <http://news.abs-cbn.com/business/01/12/17/japan-pledges-aid-investments-for-philippine-infrastructure>; Abe pledges \$8.7B in investments, speedboats to Philippines. 12.01.2017. URL: <http://www.philstar.com/headlines/2017/01/12/1662066/abe-pledges-8.7b-investments-speedboats-philippines>

³⁵ Михаил Коростиков. Япония подводит территориальные итоги. 19.12.2016. URL: http://www.kommersant.ru/doc/3175044?utm_source=kommersant&utm_medium=mir&utm_campaign=four

³⁶ Рустем Фалыхов. Как проходил визит Владимира Путина в Японию. 18.12.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/12/17/10434377.shtml>

³⁷ Роль «злого следователя» в российско-японских отношениях выполняет Дмитрий Медведев. Именно он стал первым российским главой государства, посетившим Южные Курилы, вызвав возмущение в Японии. В феврале 2017 г. уже в качестве председателя правительства он подписал распоряжение о наименовании безымянных островов Курильской гряды, в числе которых оказались и спорные территории, причём один из этих островков был назван именем Кузьмы Деревянко, советского генерала, принимавшего капитуляцию Японии. Это решение российского правительства ожидаемо вызвало японский протест.

³⁸ См., например, комментарий видного японского эксперта Акихиро Ивасита (До миру нитиро суюно кайдан [Как оценивать японо-российскую встречу в верхах?]) 17.12.2016. URL: <http://mainichi.jp/articles/20161217/ddm/004/070/002000c>.

³⁹ Путин назвал отсутствие мирного договора с Японией анахронизмом. 13.12.2016. URL: <https://ria.ru/world/20161213/1483442947.html>

российский руководитель специально оговорил, что в понимании России у неё нет территориального спора с Японией, сама готовность двигать дело к мирному договору говорит о том, что она не отказывается от диалога по данному вопросу, а при определённых условиях — и к нахождению взаимоприемлемого решения. Сам вопрос о мирном договоре был поставлен в повестку дня двусторонних отношений в 1990-х годах по инициативе и во многом под давлением Токио. Москва, по сути, шла по этому вопросу у него на поводу.

Ещё одной уступкой Токио стала готовность Москвы включить в совместную экономическую зону четыре южнокурильских острова, которые являются предметом спора о суверенитете. Между тем Россия строила с начала 2000-х годов свою позицию на необходимости строгого соблюдения Декларации 1956 года, по которой она обязана передать Японии после заключения мирного договора острова Хабомаи и Шикотан. Согласившись создать особый режим «совместной хозяйственной деятельности» для всех Южных Курил, она тем самым косвенно отступает от своей базовой позиции. Почву для разговоров и различных интерпретаций даёт неопределённый статус будущих территорий экономического сотрудничества: ясно, что обсуждаться особая система будет долго, и всё это время можно будет говорить об уступчивости Москвы.

Продавливая идею совместного управления, Япония добивается особого правового положения островов, в отношении которых российский суверенитет будет размыт. Взаимное признание специфического статуса территорий, на которых будут действовать законы обоих государств, был бы для Токио уже большим шагом вперёд. Однако для России такой путь был бы равнозначен отходу от принципиальной позиции, согласно которой Курильские

острова находятся под её суверенитетом по итогам Второй мировой войны.

В качестве реверанса в сторону Токио можно оценить также согласие Москвы предоставить бывшим жителям островов возможность посещать их для ухода за могилами предков. Прочитав «западающее в сердце» послание бывших жителей Южных Курил, Путин заявил о необходимости прекратить «исторический пинг-понг» по поводу островов⁴⁰. Более того, Россия согласилась обсуждать вопрос о существенном расширении безвизового режима для поездок на Курилы и Сахалин, распространив его не только на бывших островитян, но и на всех жителей Хоккайдо.

Развивая мысль об обменах представителей общественности двух стран, С. Абэ предложил сделать эти острова «зоной совместного проживания, совместного процветания» для тех, кто раньше жил на островах, и тех, кто сейчас на них живёт⁴¹. Готовность к формированию территорий со свободным режимом передвижения также будет способствовать закреплению их особого юридического статуса по отношению к другим регионам России. Экономическое и культурно-гуманитарное проникновение Японии на Курилы, их активное хозяйственное освоение японским бизнесом дали бы Токио дополнительный аргумент для обоснования её претензий на спорные острова. По мнению известного японского эксперта Нобуо Симотомаи, создание подобной межрегиональной инфраструктуры людских обменов может стать обходным путём, который обеспечит прогресс на переговорах по мирному договору, на которых в течение длительного времени никаких успехов не наблюдалось⁴². В целом результаты российско-японского саммита в декабре 2016 года, скорее, представляли компромисс, нежели односторонние уступки какой-либо из сторон.

⁴⁰ Путин предложил прекратить «исторический пинг-понг» по Курилам. Известия. 16.12.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/652289#ixzz4T5l8wxZp>

⁴¹ Синдзо Абэ: Позиция Токио по Курилам остаётся неизменной. 16.12.2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2218378.html>

⁴² Вакарэру сэммонка-но хёка (Оценки экспертов разошлись). 17.12.2016. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/hoppouryoudo/>

З

Теория двухуровневых игр, разработанная Робертом Патнэмом, акцентирует взаимосвязь международных взаимодействий с торгом между политическими силами внутри отдельных государств [Putnam 1988]. Переговоры относительно межгосударственных соглашений ведутся официальными представителями исполнительной власти, но заключённые договорённости зачастую требуют поддержки или утверждения в форме парламентской ратификации или иной процедуры (например, решением Политбюро). В этой связи руководители государства должны убедить ведущих политических игроков в своей стране (по крайней мере, большинство из них) в целесообразности международного соглашения. Этот процесс внутренних взаимодействий формирует второй уровень переговоров.

Если соглашения затрагивают экономические интересы отдельных групп или касаются чувствительных вопросов (таких, как национальная безопасность и границы), то достигнуть по ним внутреннего консенсуса оказывается непросто. В некоторых случаях ратификация проваливается, аннулируя результат длительных и трудных международных переговоров. Поэтому переговорщики вынуждены принимать во внимание внутриполитическую ситуацию в стране-контрагенте и оценивать способность её официальных представителей обеспечить ратификацию соглашения.

Патнэм вводит понятие «набор выигрышных комбинаций» (winset), обозначающее спектр возможных соглашений, которые будут приемлемы как для международных партнёров, так и для ключевых внутриполитических игроков, от которых зависит ратификация подписываемых документов. Оно характеризует пространство для манёвра: чем шире «наборы выигрыш-

ных комбинаций» у обеих сторон, тем больше шансов, что эти множества пересекутся и на интервале пересечения будет достигнута реализуемая договорённость. В тех случаях, когда в обеих странах существуют влияющие силы, занимающие жёсткую позицию по обсуждаемому вопросу, пространство для компромисса сужается или вовсе исчезает.

Если для одной стороны пространство внутриполитической «проходимости» потенциального соглашения оказывается уже, чем для другой, то её переговорная позиция на международной арене усиливается. Её переговорщики могут заявить противоположной стороне: «я бы и рад пойти с вами на компромисс, но мои соотечественники никогда с этим не согласятся, поэтому, если вы хотите соглашения, то на уступки в основном придётся идти вам». Как ни парадоксально, но чем слабее политические позиции переговорщика в собственной стране и чем убедительнее он может доказать свою неспособность влиять на внутренних игроков, тем больше у него шансов получить максимально выгодное соглашение.

Напротив, если вторая сторона знает, что переговорщик обладает значительным внутриполитическим авторитетом, это даёт ей основания настаивать на том, чтобы он употребил влияние для продавливания менее выгодного соглашения в процессе его ратификации. Подобное положение отчасти характеризовало российско-японские переговоры по территориальному вопросу в начале 2000-х годов, когда у Токио мелькнула надежда, что В.В. Путин, будучи сильным и популярным лидером, сможет волюнтаристским путём обеспечить его решение.

Сегодня оба главных переговорщика, С. Абэ и особенно В. Путин, видятся сильными лидерами с высоким рейтингом поддержки избирателей⁴³. В рамках модели

⁴³ Летом 2017 г. опросами общественного мнения было зафиксировано значительное снижение рейтинга Абэ среди японских избирателей, что стало прежде всего следствием внутриполитических скандалов. Пока не ясно, носит ли эта тенденция устойчивый характер и сможет ли Абэ восстановить свою популярность.

Р. Патнэма это уравнивает их переговорные позиции. Тем не менее наблюдается некоторая асимметрия в общественном мнении по территориальной проблеме. Россияне по-прежнему демонстрируют стойкое неприятие любого компромисса с Японией, который включал хотя бы частичную передачу островов⁴⁴, а также утверждают, что уровень их доверия к В.В. Путину понизится, если он заключит территориальную сделку с Японией⁴⁵. В то же время японцы, судя по результатам последних опросов, склоняются к большей гибкости. Более половины жителей Страны восходящего солнца полагают, что необязательно настаивать на возвращении всех четырёх спорных островов⁴⁶. Это обстоятельство даёт России некоторое переговорное преимущество.

Вместе с тем главным препятствием для достижения территориального компромисса может стать отнюдь не общественное мнение. В конце концов, Москва согласилась в 2004 г. передать Пекину ряд спорных островов на Амуре (в том числе территории в районе Хабаровска), невзирая на неоднозначную реакцию общественности. Дед С. Абэ Нобусукэ Киси в 1960 г. сумел добиться ратификации в парламенте крайне непопулярного в обществе Договора безопасности с США⁴⁷. Уже сам нынешний премьер-министр Японии обеспечил в 2015 г. принятие пакета законов, существенно расширивших сферу потенциального использования сил самообороны страны [Стрельцов 2015]. Эти и многочисленные другие примеры говорят

о том, что руководители государства могут игнорировать массовые настроения, если полагают, что того требуют национальные интересы.

Вместе с тем даже сильным лидерам трудно не принимать во внимание позицию политической элиты, особенно высшей бюрократии⁴⁸. В Японии сейчас отсутствуют сколько-нибудь влиятельные оппозиционные партии, в самой правящей ЛДП значительно ослабли фракции, которые могли бы бросить вызов С. Абэ, равно как и не просматривается политиков, которые могли бы составить ему конкуренцию [Браун 2016]. На этом фоне премьер-министр лично определяет и контролирует политику на российском направлении, в силу чего роль министерства иностранных дел заметно понизилась [Brown 2017]. В то же время имеются признаки того, что влиятельные элементы японской бюрократии пытаются саботировать курс Абэ на сближение с Россией, в том числе через организацию утечек и дезинформацию в СМИ [Togo 2016].

Что касается российской стороны, то процесс принятия Москвой наиболее важных внешнеполитических решений традиционно является тайной за семью печатями. Судя по всему, руководитель страны лично занимается японским направлением. Тем не менее можно предположить, что на президента пытаются оказывать влияние различные группировки, в том числе и те, которые выступают против любого территориального компромисса с Японией.

⁴⁴ Спор России и Японии вокруг Курильских островов. 05.08.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrug-kurilskih-ostrovov/>

⁴⁵ 55% опрошенных россиян заявили, что уровень их доверия к Путину снизится, в случае если он решит передать Японии спорные острова (Спор России и Японии вокруг Курильских островов. 05.08.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrug-kurilskih-ostrovov/>).

⁴⁶ Majority say Japan shouldn't insist on return of all disputed Northern Territories islands: poll. 07.11.2016. URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20161107/p2a/00m/Ona/019000c>

⁴⁷ Лишь 14% населения поддерживали договор с США, в то время как 59% выступали против, а страна была охвачена массовыми акциями протеста (Tokyo 1960: Days of Rage&Grief. 2012. URL: https://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/tokyo_1960/anp2_essay01.html).

⁴⁸ В качестве свежего примера можно указать на неудачу египетского президента-генерала ас-Сиси обеспечить принятие подписанного с Саудовской Аравией соглашения о передаче ей двух островов в Красном море [Сурков: 2017].

* * *

С точки зрения неоклассического реализма для отношений России и Японии наступил благоприятный момент. Токио всё больше опасается Пекина и всё меньше верит в американские гарантии безопасности. Не менее важно, что в японском политическом сообществе нарастает стремление к обретению большей самостоятельности на международной арене. Это делает для Токио одновременно и возможным, и необходимым улучшение отношений с Москвой. Нормальные, нейтрально-добрососедские отношения с ней позволят Японии чувствовать себя увереннее во всё менее определённой геополитической среде. Укрепление связей с Россией – элемент стратегии хеджирования, которая также включает в себя создание коалиций с Индией и странами Юго-Восточной Азии.

Россия, хотя и в несколько меньшей степени, тоже заинтересована в стратегическом сближении с Японией. Во-первых, это позволит застраховать риски растущей геоэкономической зависимости от Китая. Во-вторых, более независимая и менее прозападная Япония вполне отвечает отстаиваемой Москвой модели полицентричного мира.

Важно, что у каждой из сторон есть тот материальный ресурс, которого не хватает другой. Москва обладает геополитическим и военным потенциалом, и Токио не заинтересован, чтобы он был направлен против него. Япония, в свою очередь, располагает финансовыми и технологическими ресурсами, а также ёмким рынком, которых так не хватает России для развития Дальнего Востока. В силу этой взаимодополняемости территориальный спор в двусторонних отношениях может отойти на второй план⁴⁹.

Список литературы

Браун Дж. Синдзо Абэ – необычный премьер-министр Японии / Российский совет по международным делам. 14.12.2016. URL: http://russiacouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=3027 [дата обращения: 20.01.2017].

⁴⁹ Примечательно, что некоторые японские эксперты предлагают формулу «безопасность в обмен на экономическое сотрудничество», уже даже не вспоминая про территориальный спор [Kamikubo 2017].

Конструктивистский анализ рисует гораздо менее оптимистичную картину. За более чем двухсотлетнюю историю межгосударственных отношений между Россией и Японией сложился негативный нарратив: начиная со злосчастного разбойничьего рейда в их самом начале. Для того чтобы преодолеть барьеры взаимного недоверия и враждебности, одних геополитических стимулов недостаточно. Необходимы волевые и последовательные шаги навстречу друг другу, причем не только символические, но и субстантивные (в первую очередь значительное повышение уровня экономических и социально-гуманитарных контактов). Пока же стороны делают скорее мелкие и осторожные пробы, которые приносят позитивный эффект, но вряд ли способны трансформировать отношения.

Наконец, модель двухуровневых игр применительно к переговорам по территориальной проблеме показывает, что Россия и Япония находятся примерно в равном положении, так как оба их главных переговорщика выглядят сильными и популярными лидерами, способными обеспечить прохождение внутри своих стран соглашения, которое в будущем могло бы быть достигнуто между ними. В этих условиях главное препятствие для урегулирования российско-японского территориального спора может заключаться не в массовых настроениях, а в скрытом сопротивлении влиятельных элементов в государственном аппарате.

В целом перспективы российско-японских отношений можно оценить с осторожным оптимизмом. Для них сейчас открылось окно возможностей. Можно предположить, что оно не захлопнется как минимум в течение срока дальнейшего пребывания у власти В.В. Путина и С. Абэ.

- Внешняя политика Японии: история и современность / Отв. ред. Э. Молодякова. М.: Восточная литература, 2008. 318 с.
- Зайцев Д. Инцидент Хвостова и Давыдова: взгляд из Японии // Вестник ДВО РАН. 2005. №4. С. 39–47.
- Кавато А. Возвращение «старой гвардии» Либерально-демократической партии Японии / Российский совет по международным делам. 06.02.2013. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-staroy-gvardii-liberalno-demokraticheskoy-par/> (дата обращения: 22.01.2017).
- Системная история международных отношений / Под ред. А. Богатурова. Т.1. М.: Московский рабочий, 2000. 516 с.
- Совастеев В. Геополитика Японии с древнейших времён до наших дней. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 132 с.
- Стрельцов Д. Японский пацифизм уходит в прошлое? Российский совет по международным делам. 23.09.2015. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=728&Itemid=59 (дата обращения: 25.01.2017).
- Сурков Н. Египетская национальная гордость против саудовских предубеждений / Российский совет по международным делам. 24.01.2017. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8624#top-content (дата обращения: 14.02.2017).
- Чугров С. Образ России в Японии и образ Японии в России. М.: Российский совет по международным делам, 2016. 64 с.
- Brown J. Japan's Russia Policy: Looking Back on 2016 and Ahead to 2017. The Asan Forum. 10.02.2017. URL: <http://www.theasanforum.org/japans-russia-policy-looking-back-on-2016-and-ahead-to-2017/> (дата обращения: 15.02.2017).
- Chang G. Japan's Values Diplomacy // World Affairs. 01.07. 2013. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/gordon-g-chang/japan%E2%80%99s-values-diplomacy> (дата обращения: 25.01.2017).
- Conybeare J. A Portfolio Diversification Model of Alliances: The Triple Alliance and Triple Entente, 1879–1914 // Journal of Conflict Resolution. 1992. № 1 (March). P. 53–85.
- Kamikubo M. Sharing the wealth to melt the ice: Japan and Russia // PacNet №18. 22.02.2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/pacnet-18-sharing-wealth-melt-ice-japan-and-russia> (дата обращения: 25.02.2017).
- Maxie J. How Japan Plans to Counter China in Southeast Asia // Diplomat. 24.01.2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/how-japan-plans-to-counter-china-in-southeast-asia/> (дата обращения: 29.01.2017).
- Neoclassical Realist Theory of International Politics. Ed. by S. Lobell, N. Ripsman, J. Taliaferro. New York: Oxford University Press, 2016.
- Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42, №. 3. P. 427–460.
- Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51, № 1 (October). P. 144–172.
- Reus-Smith C. Constructivism // Theories of International Relations / ed. by S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak et al. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 188–212.
- Samuels R. Securing Japan. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 277 p.
- Schweller R. China's Aspirations and the Clash of Nationalisms in East Asia: A Neoclassical Realist Examination // International Journal of Korean Unification Studies. 2014. № 2. P.1–40.
- Sil R., Katzenstein P. Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. New York: Palgrave, 2010. 240 p.
- Togo K. Breakthrough in Japan–Russia Relations and Advancing Regional Security. Positive Scenario II. The Asan Forum. 28.12.2016. URL: http://www.theasanforum.org/category/alternative-scenarios/?post_id=7786&c_id=8066#content_wrap (дата обращения: 15.02.2017).
- Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // Realism and International Politics. New York: Routledge, 2008. P. 166–196.
- Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2 (Spring). P. 391–425.

RUSSIAN-JAPANESE RAPPROCHEMENT THROUGH THE LENS OF IR THEORY

NEO-CLASSICAL REALISM, CONSTRUCTIVISM AND TWO-LEVEL GAMES

DMITRY STRELTSOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

ARTEM LUKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok 690090, Russia

Abstract

The article analyzes the reasons behind the Russian-Japanese rapprochement in the mid-2010s. The Russia-Japan dyad is a complex and multi-dimensional phenomenon in which geopolitics, historical memory, mutual perceptions, domestic politics and personality factors are intertwined. Therefore, analysis of Russian-Japanese relations cannot be fulfilled on the basis of a single theoretical approach. To grasp it the authors rely on combination of neoclassical realism and constructivism, augmented by the application of Robert Putnam's two-level games model.

The article comes to the conclusion that, from the perspective of neoclassical realism, Russia-Japan relations have entered a propitious period. The changing balance of power in the Asia-Pacific, with the United States' positions relatively weakening against the China's remarkable rise, make it both possible and necessary for Japan to improve relations with Russia. Good-neighborly relations with Moscow will provide Tokyo with greater confidence in an increasingly uncertain geopolitical environment. The constructivist analysis produces a much less optimistic picture. For over two centuries Russia-Japan relations accumulated substantial burden of mutual grievances and accusations. To overcome the barriers of distrust and hostility, geopolitical drivers are not sufficient. Bold steps toward each other are needed. These steps should not be only about symbolism, but also about substance such as considerably raising the scale of economic, social and human interactions. The two-level game model, applied to the territorial dispute negotiations, shows that Russia and Japan are now in a more or less equal position, since their chief negotiators, Vladimir Putin and Shinzo Abe, are both strong and popular leaders who are capable of securing domestic ratification of a deal, even if it contains significant concessions. Overall, the prospects for Russia-Japan relations can be assessed with cautious optimism, as a window of opportunity for their improvement has opened.

Keywords:

Russia; Japan; China; the United States; the Asia-Pacific; neoclassical realism; constructivism; two-level games.

References

- Bogaturov A.D. (ed.) (2000). *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Systemic History of International Relations] Vol. 1. Moscow: Mosckovsky rabochiy, 516 p.
- Brown J. (2016). *Shinzo Abe – neobychny premier Yaponii* [Shinzo Abe – Japan's extraordinary prime minister]. Russian International Affairs Council, 14.12.2016. Available at: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=3027 (accessed 20.01.2017).
- Brown J. (2017). *Japan's Russia Policy: Looking Back on 2016 and Ahead to 2017*. The Asan Forum, 10.02.2017. URL: <http://www.theasanforum.org/japans-russia-policy-looking-back-on-2016-and-ahead-to-2017/> (accessed: 15.02.2017).

- Chang G. (2013). Japan's Values Diplomacy. *World Affairs*. 01.07. 2013. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/gordon-g-chang/japan%E2%80%99s-values-diplomacy>(accessed 25.01.2017).
- Chugrov S. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii* [Russia's image in Japan and Japan's image in Russia]. Moscow: Russian International Affairs Council. 64 p.
- Conybeare J. (1992). A Portfolio Diversification Model of Alliances: The Triple Alliance and Triple Entente, 1879–1914. *Journal of Conflict Resolution*. № 1 (March): 53–85.
- Kamikubo M. (2017). *Sharing the wealth to melt the ice: Japan and Russia*. PacNet №18. 22.02.2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/pacnet-18-sharing-wealth-melt-ice-japan-and-russia> (accessed 25.02.2017).
- Kawato A. (2013). *Vozvrashchecniye 'staroy gvardii' Liberal'no-demokraticheskoy partii* [The return of the LDP's 'old guard']. Russian International Affairs Council. 06.02.2013. URL: <http://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/vozvrashchenie-staroy-gvardii-liberalno-demokraticheskoy-par/>
- Maxie J. (2017). How Japan Plans to Counter China in Southeast Asia. *Diplomat*. 24.01.2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/how-japan-plans-to-counter-china-in-southeast-asia/> (accessed 29.01.2017).
- Neoclassical Realist Theory of International Politics. Ed. by S. Lobell, N. Ripsman, J. Taliaferro. New York: Oxford University Press, 2016.
- Putnam R. (1988). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*. Vol. 42, №. 3 (Summer): 427–460.
- Rose G. (1998). Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. Vol. 51, № 1. P. 144–172.
- Reus-Smith C. (2005). Constructivism. In: S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak et al. (eds) *Theories of International Relations*. London: Palgrave Macmillan: 188–212.
- Samuels R. (2007). *Securing Japan*. Ithaca: Cornell University Press. 277 p.
- Schweller R. (2014). China's Aspirations and the Clash of Nationalisms in East Asia: A Neoclassical Realist Examination. *International Journal of Korean Unification Studies*. № 2. P. 1–40.
- Sil R., Katzenstein P. (2010). *Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*. New York: Palgrave. 240 p.
- Sovasteyev V. (2009). *Geopolitika Yaponii s drevneyshikh vremyon do nashikh dnei* [Japan's Geopolitics from the Ancient times to the Present]. Vladivostok: Far Eastern University Press. 132 p.
- Streltsov D. (2015). *Yaponskiy patsifizm ukhodit v proshloye?* [Is Japan's pacifism a thing of the past?]. Russian International Affairs Council. 23.09.2015. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=728&Itemid=59
- Surkov N. (2017). *Yegipetskaya natsionalnaya gordost' protiv saudovskikh predubezhdeniy* [Egyptian national pride versus Saudi prejudice]. Russian International Affairs Council. 24.01.2017. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8624#top-content
- Togo K. (2016). *Breakthrough in Japan-Russia Relations and Advancing Regional Security. Positive Scenario II*. The Asan Forum. 28.12.2016. URL: http://www.theasanforum.org/category/alternative-scenarios/?post_id=7786&c_id=8066#content_wrap
- Molodyakova E. (ed.) (2008). *Vneshnyaya politika Yaponii: istoriya i sovremennost'* [Japan's Foreign Policy: history and the present]. Moscow: Vostochnaya literatura. 318 p.
- Waltz K. (2008). The Emerging Structure of International Politics, 1993. In: *Realism and International Politics*. New York: Routledge. P. 166–196.
- Wendt A. (1992). Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. Vol. 46. № 2. P. 391–425.
- Zaitsev D. (2005). *Intsident Khvostova i Davydova: vzglyad iz Yaponii*. *Vestnik DVO RAN* [The Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. №4. P. 39–47.